

КАЧЕСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ/ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ АДАПТАЦИИ К ПЕРЕМЕНАМ МЕЖПАРАДИГМАЛЬНОГО УРОВНЯ

ЯКІСТЬ СОЦІАЛІЗАЦІЇ/ІНДИВІДУАЛІЗАЦІЇ ЯК ФАКТОР СУСПІЛЬНОЇ АДАПТАЦІЇ ДО ЗМІН МІЖПАРАДИГМАЛЬНОГО РІВНЯ

THE QUALITY OF SOCIALIZATION/INDIVIDUALIZATION AS A FACTOR OF SOCIAL ADAPTATION TO CHANGES IN THE INTER-PARADIGMAL LEVEL

Шедяков В.Е.,

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
независимый исследователь*

Мера индивидуализации и социализации составляет не только важную характеристику культурно-цивилизационного мира, но и параметр общественного развития. Вместе с тем втягивание в процессы трансформаций парадигмального уровня поднимает задачи социальной адаптации до одного из условий выживания. Напротив, неумение адаптироваться к социально-политическим изменениям может свидетельствовать о геостратегическом угасании и ослаблении, а то и цивилизационной катастрофе. В частности, преодоление нового эволюционного барьера для человечества сопряжено с необходимостью формирования нового уровня как теоретического освоения социально-политической действительности, так и инструментария взаимодействия на разных уровнях. При этом практическая истинность применяемых абстракций становится весомым фактором эффективного использования новых тенденций. Соответственно, переходный период – время выработки взаимоприемлемых правил не только внутренней жизни народов, но и мирового порядка. Причём освоение инновационных явлений международных отношений – условие не только продуктивного использования условий, но и перехвата стратегической инициативы. Неуклонная смена лидеров и аутсайдеров соответственно закону неравномерности развития проявляет вызревание в недрах культурно-цивилизационных миров крупных событий, перемен, катаклизмов. Между тем, успешный процесс социализации/индивидуализации требует складывания притягательного общественного идеала как цели и мечты для ненасильственного объединения различных индивидуумов. Само идеальное может подтверждать истинность реального. Качество же идеала выверяется в конфликтных ситуациях и/или при интенсификации взаимодействия. Вместе с тем постглобальность – не только множественность виртуальных проекций, но и их растущее воздействие на реальные процессы.

При этом, с одной стороны, альтернативы слишком радикальны, с другой, – в точке бифуркации и слабые воздействия могут оказаться решающими. Между тем, надлежит не только жить и развиваться в унисон с крепнущими тенденциями, но и соответствовать существу общих изменений. На этом пути в контексте постглобальных трансформаций предстоит культивировать как сохранение достигнутого ранее, так и активное формообразование. Разновекторность постсоветских трансформаций входит в общий глобальный поток изменений парадигмальной глубины. Одна из характерных черт «взрослеющего» самовосприятия общества – готовность к осознанной ответственности за своё будущее. Это предполагает расчёт на собственные силы и эндогенное развитие.

Ключевые слова: трансформации, общественная парадигма, переход, социализация, индивидуализация, общественная адаптация, стратегия, культура, ценности, власть.

Міра індивідуалізації та соціалізації становить не тільки важливу характеристику культурно-цивілізаційного світу, але й параметр суспільного розвитку. Разом із тим втягування в процеси трансформацій парадигмального рівня піднімає завдання соціальної адаптації до умов виживання. Навпаки, невміння адаптуватися до соціально-політичних змін може свідчити про геостратегічне згасання й ослаблення, а то й цивілізаційну катастрофу. Зокрема, подолання нового еволюційного бар'єру для людства пов'язане з необхідністю формування нового рівня як теоретичного освоєння соціально-політичної дійсності, так й інструментарію взаємодії на різних рівнях. При цьому практична істинність застосовуваних абстракцій стає вагомим фактором ефективного використання нових тенденцій. Відповідно, перехідний період – час вироблення взаємоприйнятних правил не тільки внутрішнього життя народів, а й світового порядку. Причому освоєння інноваційних явищ міжнародних відносин – умова не тільки продуктивного використання умов, але й перехоплення стратегічної ініціативи. Неухильна зміна лідерів і аутсайдерів відповідно до закону нерівномірності розвитку проявляє визрівання в недрах культурно-цивілізаційних світів великих подій, змін, катаклізмів. Тим часом успішний процес соціалізації/індивідуалізації вимагає складання привабливого суспільного ідеалу як мети і мрії для ненасильницького об'єднання різних індивідуумів. Саме ідеальне може підтверджувати істинність реального. Якість же ідеалу перевіряється в конфліктних ситуаціях і/або за інтенсифікації взаємодії. Разом із тим постглобальність – не тільки множинність віртуальних проекцій, а й їх зростаючий вплив на реальні процеси. При цьому, з одного боку, альтернативи занадто радикальні, з іншого – у точці бифуркації і слабкі впливи можуть виявитися вирішальними. Тим часом слід не тільки жити й розвиватися в унісон з міцніючими тенденціями, а й відповідати суті загальних змін. На цьому шляху в контексті постглобальних трансформацій належить культивувати як збереження досягнутого раніше, так і активне формоутворення. Різновекторність пострадянських трансформацій входить у загальний глобальний потік змін парадигмальної глибини. Одна з характерних рис самосприйняття суспільства, що «дорослішає», – готовність до усвідомленої відповідальності за своє майбутнє. Це передбачає розрахунок на власні сили й ендогенний розвиток.

Ключові слова: трансформації, суспільна парадигма, перехід, соціалізація, індивідуалізація, суспільна адаптація, стратегія, культура, цінності, влада.

The measure of individualization/socialization is not only an important characteristic of the cultural and civilizational world, but also a parameter of social development. At the same time, the involvement of the paradigm level in the transformation processes raises the tasks of social adaptation to one of the conditions of survival. On the contrary, the inability to adapt to socio-political changes may indicate geostrategic extinction and weakening, and even a civilizational catastrophe. In particular, overcoming a new evolutionary barrier for humanity is associated with the need to form a new level of both theoretical development of socio-political reality and the tools of interaction at different levels. At the same time, the practical truth of the applied abstractions becomes a significant factor in the effective use of new trends. Accordingly, the transition period is the time for the development of mutually acceptable rules not only for the internal life of peoples, but also for the world order. Moreover, the development of innovative phenomena of international relations is a condition not only for the effective use of conditions, but also for the interception of strategic initiative. The steady change of leaders and outsiders in accordance with the law of uneven development reveals major events, changes, cataclysms that are ripening in the depths of the cultural and civilizational worlds. Meanwhile, a successful socialization/individualization process requires the formation of an attractive social ideal as a goal and dream for the nonviolent unification of various individuals. The ideal itself can confirm the truth of the real. The quality of the ideal is tested in conflict situations and/or in the intensification of interaction. At the same time, post-globality is not only a multiplicity of virtual projections, but also their growing impact on real processes. At the same time, on the one hand, the alternatives are too radical, on the other hand, at the bifurcation point, weak influences can be decisive. Meanwhile, one should not only live and develop in unison with the growing tendencies, but also correspond to the essence of general changes. On this path, in the context of post-global transformations, it is necessary to cultivate both the preservation of what has been achieved earlier and active morphogenesis. The multi-vector nature of post-Soviet transformations is part of the overall global flow of changes of paradigm depth. One of the characteristic features of the "maturing" self-perception of society is the willingness to take conscious responsibility for their future. This implies self-reliance and endogenous development.

Key words: transformations, social paradigm, transition, socialization, individualization, social adaptation, strategy, culture, values, power.

Постановка проблемы. Ойкумена находится в процессе создания и конкуренции новых геостратегических моделей. Вставшая перед культурно-цивилизационными мирами задача понять и научиться жить в трансформирующихся условиях меняет своё содержание для разных акторов. Состязание между странами и культурно-цивилизационными мирами в рамках «коридора свободы» определённого мирового порядка при выходе за его пределы сменяется ожесточённой конкуренцией за формирование из хаоса нового порядка мироустройства на основе своей институциональной памяти, выливаясь в борьбу за возможность возглавить/использовать в своих интересах возникающие политико-экономические возможности. Вместе с тем выход и закрепление на мир-системном уровне сдерживается не только качеством творческого порыва, но и рядом других факторов (например, демографической массой), за которые развернулась ожесточённая конкуренция, в т.ч. относительно постсоветского ядра геостратегического тяготения. Кто-то может стараться обеспечить торжество своего видения будущего, кто-то – рассчитывать только на использование в интересах своих безопасности и развития не ими формируемых характеристик, кто-то вынужден приспосабливаться к новым геостратегическим комбинациям, альянсам и разломам. При этом народы находятся на разных этапах циклов собственных трансформаций и обладают специфическими комбинациями возможностей и точек уязвимости, преимуществ и недостатков. Таким образом, период форсированных преобразований заведомо обостряет столкновения противостоящих подходов [1–5]. Между тем сформированное веками общежития качество процессов социализации/индивидуализации выработало характер возможных ответов на запросы истории, тогда как меняющиеся условия выдвигают

свои требования и к ним самим. При этом характер процессов отражает содержание не только сложных социальных процессов, но и культурных различий. Разновекторность же постсоветских трансформаций входит в глобальный поток парадигмальных изменений, а ресурсная ограниченность обостряет конкуренцию, ведущуюся и недобросовестными средствами.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретико-методологическими основаниями выступают, во-первых, характеристики логики истории при столкновении культур применительно к международным трансформациям на разных этапах циклов развития; во-вторых, исследования закономерностей и особенностей переходного периода межпарадигмального масштаба; в-третьих, изучение нынешнего баланса возможностей и угроз. В частности, учитывались работы таких авторов, как Р. Акофф, А. Асмолов, Р. Барт, Ф. Березин, Дж. Берри, И. Богомолов, В. Букреев, И. Ватин, И. Воеводин, И. Георгиева, В. Гриценко, А. Жмыриков, А. Журавлёв, В. Захаров, О. Зотова, М. Зуева, И. Кант, А. Карпов, А. Кеннеди, Л. Кольберг, П. Кропоткин, И. Кряжева, П. Кузнецов, Ж. Лакан, Я. Лентач, Р. Линтон, С. Лэй, А. Малькевич, Д. Мамфорд, К. Маркс, В. Медведев, Р. Мертон, И. Милославова, Н. Минаева, В. Орёл, Т. Парсонс, Б. Парыгин, Ж. Пиаже, Р. Редфилд, М. Ромм, М. Ростовцева, Г. Тард, Г. Уайт, К. Уолд, В. Уолтер, Ю. Урманцев, Э. Фромм, Р. Харри, Х. Хензелл, Н. Хитрова, Г. Хофстеде, Г. Царегородцев, М. Шабанова, Л. Шпак, Н. Шустова, Дж. Эдвардс, Ф. Эмерли, К. Ясперс.

Формулирование целей статьи (постановка задания). Цель статьи – рассмотрение взаимоотношения адаптации и социализации в контексте возможностей и рисков межпарадигмального

перехода с целью создания теоретического основания для повышения плодотворного социального управления.

Изложение основного материала исследования.

Многоуровневая адаптация общества к стремительно меняющимся условиям при подвижках парадигмального уровня выступает требованием сохранения и жизнеспособности, и самобытности (что для культурно-цивилизационного мира тождественно: утрата идентичности равнозначна превращению в строительный материал иной социально-политической системы [6–10]). Взаимосвязь активной и пассивной социально-психологической адаптации культурно-цивилизационного мира к новым тенденциям захватывает в переходный период процессы и индивидуализации, и социализации/ аккультурации. Массовое высвобождение сугубо индивидуальных комплексов одарённости каждого для просоциальной активности требует кардинального изменения характера общественных отношений. Превращение творческой инициативы народов в определяющий фактор развития невозможно без переустройства мирового порядка. Таким образом, достижение нового баланса индивидуализации/социализации ориентирует на пересмотр устоявшихся догм. «Вхождение» в общество и культуру, освоение их как предпосылки соучастия в их дальнейшем развитии не должно быть тождественно оплошлению, нивелировке личности, всеобщей мозаичной эклектики глобальности [11–15]. Умение сохранить верность себе и своему родному культурно-цивилизационному миру под напором искусов разнообразия информации об эпохах и странах отнюдь не означает изоляционизма и самодовольства. Более того, узость филистерского эгоцентризма вполне сочетаема с глобализмом потребительства. То и другое упрощает манипулируемость, делая податливым для принуждения. Напротив, сознание своего достоинства – фундамент для отстаивания прав и свобод, роста гражданственности.

Успешный процесс социализации/индивидуализации требует складывания притягательного общественного идеала как цели и мечты для ненасильственного объединения различных индивидуумов. Само идеальное подтверждает истинность реального [16–20]. Качество же идеала выверяется в конфликтных ситуациях и/или при интенсификации взаимодействия. Вместе с тем постглобальность – не только множественность виртуальных проекций, но и их растущее воздействие на реальные процессы. Разумеется, некоторые объективные и субъективные основания постглобализма формировались и накапливались давно. Однако их комплексность и её определяющее значение – явление для ойкумены новое. Характерные черты постглобализма, в частности, некоторый изоляционизм и сосредоточенность на решении внутренних проблем жизнеустройства и развития, предпочтении эндогенных вариантов оперирования потенциалом, оживление идеалов накопления внутренних

созидательных сил общества, разумного протекционизма и самодостаточности – подталкивает к переоценке геостратегических разграничений (в т.ч., и на основе евроскептицизма, роста иных объединений и подходов, трансформации механизмов международного взаимодействия из структур неоимпериализма в формы партнёрства).

В свою очередь времена сжатых трансформаций включают осуществление кардинальных, парадигмальных скачков [21–25]. Таковым стало, например, порождение человека и формирование им культурно-цивилизационных миров. Сейчас ойкумена вошла в очередной период открытия для себя новых горизонтов жизнеустройства и социокультурного порядка, механизмов обеспечения безопасности и развития ойкумены. Форсированно взламывается прежний политико-экономический уклад, сделавший невозможным дальнейшее развитие человечества как целого. Причём катастрофичность для общества сохранения в неизменном виде нынешнего состояния, как социально-политического остова существующего образа жизни, так и правящей надстройки, осознана повсеместно. Системный мировой экономический кризис начала 21 века – проявление общего кризиса доминантной формы индустриализма, однако её преодоление неизбежно требует учёта постиндустриальных перспектив экономики знания, а также диапазона возможностей в развитии и активизации субъективного фактора.

Парадигмальность перехода заключается в гораздо более существенном изменении, нежели движение от преобладания одной модели жизнеустройства к другой. Остаётся в прошлом однозначность подходов, простых моделей и «чистых» форм их воплощений, в т.ч. и в аспектах самовыражения и конкурентоспособности. Причём происходят изменения не только отдельных социально-политических институтов, но и всей культурной среды, отношений, структур. Одновременно по-своему разлом проходит и в сознании каждого. Постглобальный мир строится как совокупность взаимозависимых, но кардинально разных культурно-цивилизационных миров – макрорегионов. Но осуществляется не только переход от попыток культуртрегерства к полилогу культур (в т.ч. социально-политических). Если древние цивилизации были относительно изолированными, то глобализация установила прочную взаимозависимость народов и их социально-политических культур. Но вот качество этой взаимозависимости может варьироваться. В проявившихся тенденциях сливаются потоки самоорганизации и целенаправленного воздействия разных (в частности, государств и надгосударственных союзов) сил, воль личностей и организаций, циклично повторяемых и безвозвратно уникальных процессов. Причём если предшествующие периоды развития человечества, как правило, могли быть охарактеризованы по доминирующей цивилизации (или нескольким состоящимся), то

ныне осуществляется конкуренция принципиально разнородных моделей организации жизнедеятельности. Представления об «эталоне демократии» сменяются признанием наличия широкого разнообразия подходов, моделей и вариантов их воплощения.

Встречаясь с вызовами исторического масштаба, каждый культурно-цивилизационный мир находит свой вариант ответа на них. Вместе с этим усиливаются возможности осторожного заимствования части моделей трансформации, нарабатываемых другими народами при признании неуниверсальности конкретных подходов, государственных форм и инструментов. Многополюсный и разноскоростной мир, самоценность совершенно отличных друг от друга культурно-цивилизационных миров, нетерпимость к попыткам внешнего диктата и отторжение империалистического культуртрегерства – всё это (и многое другое) является приметам кардинальных трансформаций, связанных с усилением постглобального устройства мира, умение жить и развиваться в котором становится приоритетным фактором стратегической конкуренции между культурно-цивилизационными мирами. Некоторые объективные и субъективные основания постглобальности формировались давно. Однако их комплексность и её определяющее значение – явление для ойкумены новое.

Для адаптации общества к трансформациям вообще и переходному периоду в частности требуется развитие отношений социализации/ аккультурации и индивидуализации. Вхождение в социокультурное пространство означает освоение базовых ценностно-смысловых комплексов [26–29]. Но, во-первых, во времена переходов возрастает неопределённость и снижается устойчивость идеологических и нравственных императивов, во-вторых, постглобализм повышает возможности избирательности восприятия, в-третьих, усиливается давление (в т.ч. эмоциональное) ресурсов переработки и предоставления информации. Система ценностей и институтов ни одного из культурно-цивилизационных миров уже не может рассматриваться как единственно возможная для человечества. Когда нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единой культуры, общепризнанной науки, тогда следует быть терпимым ко всему, признавать право на существование непохожего. В этом контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимы, как солидарность, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. Соответственно, необходимо переходить от привычки к навязыванию глобальных стандартов крайне разнородным культурно-ценностным мирам к ориентации на культивирование собственных условий продуктивности и долговременной стабильности жизнедеятельности. Вместе с тем заведомо должны быть исключены стратегии социально-экономического оздоровления, несущие риски ухудшения качества жизни широких слоёв населения или социально-демографических показателей.

И освоение народами горизонтов развития – отнюдь не функция соответствия формальным штампам решений и занесённым информационными вирусами прокрустовым ломам чьих-то стандартов, а результат повышения качества жизни и возможностей творчества населения. Сегрегация по любому признаку отравляет цивилизационное единство, но при парадигмальном переходе подрыв прошлого чреват ликвидацией будущего цивилизационно-культурного мира. Вместе с тем заведомая ресурсно-методологическая плюральность постсовременности предполагает преодоление обязательности и доминантности канонов и штампов. Соответственно, нужно осовременивание, но отнюдь не обязательно в формах и моделях, свойственных вестернизации, тем более – в «догоняющих» вариациях. Как показывает анализ исторического опыта и его сравнение с формированием черт нового, обещанная либеральным капитализмом эмансипация личности оборачивается высвобождением животных инстинктов с утратой наиболее ценного – высокого созидательного порыва модерна (связанного с протестантской этикой, верностью долгу, напряжённым трудом и т.п.). Постмодерн же как модель переходного движения к новой парадигме жизнедеятельности содержит в мириадах развилок повседневных решений противоборство стратегий будущего, где активно состязаются векторы надгосударственные и государственно-ориентированные. Переходный период – к новой общественной парадигме, жидущейся на разнообразии, а вовсе не к модели, удобной западному истеблишменту; форсированные преобразования охватывают всех. При этом из моделей жизнеустройства и развития конкретный культурно-цивилизационный мир может создать свою конкретику, оптимальную именно для его условий и подходов соответственно как глубинным пластам своих ценностно-смысловых комплексов, так и динамике трансформации. Диапазон исторического выбора в это время крайне широк: от нового модерна вплоть до срыва в контрмодерн. Соответственно, рождается комплекс проблем по обеспечению взаимодействия в условиях «стабильной нестабильности», когда может «проснуться», открыв решающее направление развития и как внутреннего, так и внешнего воздействия, любая почка «ризомы».

Социально-политический регресс – индивидуальная редукция до звериных инстинктов и общественная атомизация – стимулируются средой, ориентирующей на потребительство и накопительство, отвергающей сущностные силы человека в пользу фетишизации вещей и капитала. Соответственно, аккультурация/социализация может программировать две альтернативные стратегии: борьбы либо за свою цивилизацию, либо за себя (часто – с присоединением к ценностям успешной в данный период истории). Разумеется, в точке бифуркации колоссально возрастает роль личности в истории. Умение лидеров вырабатывать государственный курс, способствующий поддержанию баланса между бережным отношением к памяти (воплощённой в материальной и духовной культуре) и динамичным развитием, – непереносимое

условие достижения адекватности среде перемен. В свою очередь эффективный народный контроль над действием властных кругов – предпосылка продуктивного использования государственных инструментов не в угоду узкокорыстным эгоистическим интересам отдельных групп, а на пользу общества. То и другое – весомые аспекты формирования как благотворной для желательных перемен социокультурной среды, так и кластеров нового, необходимых для стимулирования плодотворных трансформаций. Превращение отношений равенства/ неравенства в весомый фактор общественного развития требует форм реализации социального равенства при всём духовно-телесном разнообразии и неравенстве людей. Так, например, очевидно, высвобождение человека от мелкой коммунально-бытовой рутины – серьёзный шаг к усилению потоков развития и реализации его сущностных сил в общественно-полезном творчестве (прежде всего, интеллектуально-духовном). Для реализации выявленного потенциала требуется развернуть социальную педагогику и кадровую систему.

Преобладание отрицательных черт как пассивной, так и активной адаптации может провоцироваться отказом от системы возникших на своей основе в ходе приобретаемого исторического опыта и складывающейся социальной памяти ментальных матриц и деятельностно-поведенческих моделей с разрушением базовых ценностно-смысловых комплексов. Напротив, действительное развитие всегда предполагает наличие момента не только изменения, но и сохранения ядра достигнутого ранее. Болезненное выдвигание неопытной (а то и малограмотной) молодёжи с привитием ей вирусов внешних догм – обязательный элемент социальной катастрофы: отряды хунвейбинов, «смешные мальчишки в атаку водили полки», не зная ценность человеческой жизни и не владея необходимыми знаниями и опытом, переставали быть «смешными», по крайней мере, наращивали свою ответственность за людские жертвы. Естественно, что феномен самозванства приобретает общественное звучание именно вкупе с приходом времени юнцов; причём разномастные «льжедмитрии» пользуются такой же массовой поддержкой вначале, как и негодованием впоследствии. Проблемность обеспечения общественных безопасности и развития связана с тем, что именно они должны противостоять лидерам других стран в отстаивании национальных интересов своих культурно-цивилизационных миров.

Выводы и перспективы дальнейших исследований в этом направлении. Таким образом, многоуровневая адаптация общества к стремительно меняющимся условиям при подвижках парадигмального

уровня выступает требованием сохранения и жизнеспособности, и самобытности (что для культурно-цивилизационного мира тождественно: утрата идентичности равнозначна превращению в строительный материал иной социально-политической системы). В свою очередь политический аспект динамики и вектора адаптации общества к процессам трансформации социокультурной среды в разной степени вовлекают в себя и культурно-цивилизационные миры как целое, и отдельных людей. Взаимосвязь активной и пассивной социально-психологической адаптации культурно-цивилизационного мира к новым тенденциям захватывает в переходный период процессы и индивидуализации, и социализации/аккультурации. При этом, с одной стороны, альтернативы слишком радикальны, с другой – в точке бифуркации и слабые воздействия могут оказаться решающими. Разновекторность постсоветских трансформаций входит в общий глобальный поток изменений парадигмальной глубины. Одна из характерных черт «взрослеющего» самовосприятия общества – готовность к осознанной ответственности за своё будущее. Это предполагает расчёт на собственные силы и эндогенное развитие. Между тем надлежит не только жить и развиваться в унисон с крепнущими тенденциями, но и соответствовать существу общих изменений. На этом пути в контексте постглобальных трансформаций предстоит культивировать как сохранение достигнутого ранее, так и активное формообразование. Умение лидеров выработать государственный курс, способствующий поддержанию баланса между бережным отношением к памяти (воплощённой в материальной и духовной культуре) и динамичным развитием, – неперемное условие достижения адекватности среде перемен. В свою очередь эффективный народный контроль над действием властных кругов – предпосылка продуктивного использования государственных инструментов не в угоду узкокорыстным эгоистическим интересам отдельных групп, а на пользу общества. То и другое – весомые аспекты формирования как благотворной для желательных перемен социокультурной среды, так и кластеров нового, необходимых для стимулирования плодотворных трансформаций. Для реализации их потенциала требуется развернуть социальную педагогику и кадровую систему.

По нашему мнению, повышение плодотворности дальнейших научных исследований в этой сфере можно ожидать в случае приоритетного анализа ведущих факторов формирования и реализации стратегической политической инициативы во время форсированных перемен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Eisenstadt Sh.N. Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency. *International Social Science Journal*. 1992. Vol. 44. No. 133. P. 386–401.
2. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 463 s.
3. Kuhn Th.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago : University of Chicago Press, 1st ed.–1962 ; 2nd–1970 ; 3rd–1996 ; 4th–2012. 264 p.

4. Шедяков В.Е. Постглобальные возможности и угрозы: диапазон решений. *Economic Development: Global Trends and National Peculiarities* / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce : Baltija Publishing, 2020. P. 261–275. DOI: 10.30525/978-9934-588-61-7-18
5. Шедяков В.Е. Трансформации общественные и наук об обществе. *Ежемесячный научный журнал* : по Матер. XIII Междунар. конф. «Развитие экономических и межотраслевых наук в XXI веке». Новосибирск : Научный институт глобальной и региональной экономики (НИГРЭ), 2015. № 6 (13). С. 68–71.
6. Евсеенков А.Г. Концептуальные подходы к исследованию социальной адаптации. *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 8. С. 229–237.
7. Милославова И.А. Понятие и структура социальной адаптации : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ленинград, 1974. 24 с.
8. Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, направление, механизмы реализации : дис. ... д-ра социол. наук. Кемерово, 1992. 398 с.
9. Волков Г.Д., Оконская Н.Б. Адаптация и её уровни. *Философия пограничных проблем науки*. Пермь, 1975. Вып. 7. С. 134–142.
10. Жилин А.Ю., Жилина В.А. Метаморфозы социализации современного человека. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 19 (374). С. 88–91.
11. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. Москва : Самообразование, 2007. 240 с.
12. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. SAGE Publications, 1980. 328 p.
13. Калайков И.Д. Цивилизация и адаптация. Москва : Прогресс, 1984. 240 с.
14. Берри Дж. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы. *Развитие личности*. 2001. № 3–4. С. 183–194.
15. Шедяков В.Е. Взаимосвязи индивидуализации и социализации сквозь призму очеловечивания условий общественной жизнедеятельности. *Сучасні політичні процеси: глобальний та національний виміри* : Матер. Міжнар. наук.-практ. інтернет-конф. Одеса, 2018. С. 42–47. URL: <http://dspace.onua.edu.ua/handle/11300/10828> (дата обращения: 10.01.2020).
16. Градовский А. Значение идеала в общественной жизни. *Вестник Европы*. 1877. № 1. С. 297–327.
17. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. Москва : Политиздат, 1968. 319 с.
18. Шедяков В.Е. Культура как фактор общественных трансформаций. *Актуальні проблеми філософії та соціології*. 2016. Вип. 11. С. 123–127.
19. Багдасарян В.Э. Матрицы общественного сознания. Москва : Наше Завтра, 2021. 416 с.
20. Shedyakov V. Successful formation of basic value-sense complexes as a condition of historical innovations of paradigmatic level. *Innovative scientific researches: European development trends and regional aspect* / scient. ed. & project dir. A. Jankovska. Riga : Baltija Publishing, 2020. P. 44–67. DOI: <https://doi.org/10.30525/978-9934-588-38-9-40>
21. Fallaci O. *The Rage and the Pride*. Universe Publishing, 2002. 187 p.
22. Анисимов С.Ф. Личность в ситуации морального конфликта. *Личность: этические проблемы*. Москва : Изд-во МГУ, 1979. С. 65–78.
23. Шедяков В.Е. Вектор постсоветских трансформаций как фактор глобальных преобразований. *Economy and Society: the Modern Foundation for Human Development* : Proceed. of the III Intern. Scient. Conf. Leipzig, 2019. P. 40–41.
24. Шедяков В.Е. Обогащение закономерностей переходного периода конкретикой случайного. *Labyrinths of Reality* : Collection of scient. works / ed. by M.A. Zhurba. Montreal, 2020. Issue 4 (9). P. 6–9.
25. Шедяков В.Е. Переходный период: актуальные возможности развития. *Scientific Collection «InterConf»*. Intern. Forum : Problems & Scient. Solutions : with the Proceed. of 7 Intern. Scient. & Pract. Conf. «Challenges in Science of Nowadays». Washington : EnDeavours Publisher, 2020. № 3 (36). P. 572–579.
26. Сериков В.В. Парадигма современного образования: ориентация на личность. URL: <http://www.rspu.edu.ru/university/publish/schools/2/1.html> (дата обращения: 09.01.2020).
27. Шедяков В.Е. Социальное и индивидуальное в образовательно-педагогическом процессе. *Modernization of educational system: world trends and national peculiarities* : Proceed. of the II Intern. Scient. Conf. Kaunas, 2019. P. 383–385.
28. Шедяков В.Е. Социальная педагогика и экономическая власть. *Modern educational space: the transformation of national models in terms of integration* : Proceed. of II Intern. Scient. Conf. Leipzig, 2019. P. 157–159.
29. Шедяков В.Е. Развитие образовательно-научно-производственных кластеров – основа конкурентоспособности в условиях усиления роли экономики, основанной на знаниях. *Наукові пошуки у III тисячолітті: соціальний, правовий, економічний та гуманітарний виміри* : Матер. II Міжнар. наук.-практ. конф. Кропивницький, 2017. С. 232–235.